

Объекты этого опыта — явления — принадлежат не внешнему миру, а являются внутренними репрезентациями, порожаемыми конструктивной деятельностью субъекта на основе типов восприятий, встроенных в базисный фрагмент знаний. Ближайшая аналогия из области ИИ — *модель мира*, на основе которой данная интеллектуальная система строит свои рассуждения о мире и действия в нем. Таким образом, Кантова «Критика чистого разума» попадает в ряд работ о построении моделей мира в интеллектуальных системах и способах извлечения знаний из этих моделей. Выявление *принципов возможности* опыта и образование на их основе понятия возможного опыта совпадает с выявлением *глобальных принципов* строения модели мира, работа с которыми помогает повысить эффективность, например, экспертных систем на границах применения исходных экспертных правил. *Способы расширения* действительного опыта, задаваемые идеями разума в их регулятивном применении, совпадают с тем типом метазнаний, которые в системах ИИ называются *эвристиками*. Впрочем, и сам Кант прямо называет регулятивное применение трансцендентальных идей эвристическим (3, 566, 571).

Следующим шагом в разработке предложенной в этой статье темы должен стать более подробный анализ Кантовых способов решения задач (1) — (3) и интерпретация выделенных этапов конструкции и способа работы познавательной способности в терминах современных разработок по ИИ.

¹ Вайнцивайг М. Н., Полякова М. П. Механизм мышления и моделирование его работы в реальном времени // Интеллектуальные процессы и их моделирование / Под ред. Е. П. Велихова, А. В. Чернавского. М., 1987. С. 209.

² Там же.

³ Бонгард М. М. Проблема узнавания. М., 1967. С. 180.

⁴ См., например: Ленат Д. Искусственный интеллект // Современный компьютер. М., 1986. С. 174—186.

⁵ См.: Брюшинкин В. Н. 1) Парадигмы Канта: логическая форма // Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1985. Вып. 10. С. 30—40; 2) Кант и силлогистика. Некоторые размышления по поводу «Ложного мудрствования в четырех фигурах силлогизма» // Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1986. Вып. 11. С. 29—38.

⁶ Этот корпус логических теорий в наше время принято называть традиционной логикой, этому употреблению я и буду следовать.

⁷ См.: Брюшинкин В. Н. Кант и силлогистика. С. 30—33.

⁸ См.: Построение экспертных систем / Под ред. Ф. Хейес-Рот, Д. Уотерман, Д. Ленат. М., 1987. С. 57—58.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ПРИНЦИПЫ

Л. А. Калининков

(Калининградский государственный университет)

Система Канта таит в себе все еще много непроясненного для современных ее интерпретаторов, тем более странным сим-

биозом, казалось бы, исключаящих друг друга философских идей являлась она современникам и следующим за ними поколениям философов.

Кант сознательно и целенаправленно стремился осуществить «великий синтез» философских идей своих предшественников, добившись слияния в нерасторжимой целостности своей системы материализма философов круга Дж. Локка и французов-энциклопедистов с субъективистской, относительностью берклианско-юмистской школы, эмпиризма в теории познания от Ф. Бэкона до И. Ньютона с рационализмом картезианцев и школы Лейбница — Вольфа. Эта синтетическая работа Канта понимается все лучше, и я хотел бы в этом отношении отметить работу П. П. Гайдено «Эволюция понятия науки» (XVII—XVIII вв.). Формирование научных программ нового времени» (М.: Наука, 1987), в которой анализируется попытка кенигсбергского мудреца «примирить научные программы нового времени, по сути дела, начиная от Николая из Кузы через Галилея, Декарта, атомизм в лице П. Гассенди, Х. Гюйгенса, Р. Бойля, Р. Бошковича, ньютонианство и кончая научной программой лейбнице-вольфовской школы. Нельзя не учитывать и того, сколь органично использовал Кант идеи античного эпикуреизма и платоно-аристотелевского учения.

При аналитическом разложении столь мощной синтетической системы немудрено сосредоточиться на частях в ущерб целому. Текст «Критики чистого разума», коим обычно ограничивались, если не по намерениям, то по существу, многочисленные интерпретаторы, представал подлинным Протеем: он приобретал облик, соответствующий интенциям вчитывающегося, без всяких видимых для него усилий; пластичность текста казалась столь абсолютной, что он мог без малейшего сопротивления претерпеть метаморфозу в прямую противоположность к только что существовавшему лику.

Выразительной иллюстрацией к сказанному может служить статья кантоведа из Майнца Рудольфа Мальтера «Главные течения интерпретации «Критики чистого разума» в Германии от возникновения неокантианства»¹ и большая обобщающая монография «Философия Канта и современный идеализм»² под ред. И. С. Андреевой, в которых показано, что многообразие подходов в понимании Канта на Западе хотя и ограничено идеализмом, но простирается в широких его пределах от теолого-метафизических до феноменолого-аналитических интерпретаций. Довольно широк диапазон интерпретаций и в современной советской кантоведческой литературе. Основное направление, которое вытекает из ленинской оценки фундаментальных идей кантовской системы, данной В. И. Лениным в его «Материализме и эмпириокритицизме»³ и которое можно считать традиционным для советского кантоведения и содержащим широкий спектр вариантов, рассматривает систему Канта в качестве дуа-

листической, стремящейся примирить идеализм с материализмом, найти компромисс между ними. Наиболее характерным выразителем этого направления можно считать академика Т. И. Ойзермана⁴, не раз высказывавшегося в том духе, что Канту свойственна роковая последовательность в дуализме, то есть парадоксальным образом ему удается быть последовательным в непоследовательности.

Своеобразное развитие этого подхода, ставшее, по сути дела, самостоятельным направлением в интерпретации системы Канта, осуществляется И. С. Нарским. Согласно данному направлению, которое может быть названо, в отличие от дуалистического, плюралистическим, система Канта содержит не две, а «все основные философские позиции — материалистическую, субъективно- и объективно-идеалистическую»⁵ — соответственно четырем значениям кантовского понятия «вещь в себе».

Продолжает иметь место и такое направление, где система Канта рассматривается в качестве субъективно-идеалистической, а имеющиеся в ней «уступки» материализму попросту третируются как не имеющие сколь-либо существенного значения. Хотя данное направление ведет критику системы Канта «слева», но ирония ситуации заключается в полном тождестве получаемых результатов с теми, что обязаны критике этой системы «справа». Кант, истолкованный как субъективный идеалист, попросту оказывается первым в ряду неокантианцев. Наиболее выразительно представлено данное направление в настоящее время работой Н. К. Вахтомина⁶.

Мы же в целом ряде статей, опубликованных в «Кантовском сборнике»⁷, развиваем интерпретацию системы «критического идеализма» на путях отказа от дуалистического ее истолкования и акцентирования в ней синтеза моментов субъективного идеализма и материализма, который привел в итоге к построению системы, пролагающей пути к философской теории диалектико-материалистического типа. Наша интерпретация показывает, что систему Канта можно понять как предтечу построения диалектического материализма, осмысляемую в таком качестве только в настоящее время.

Современники Канта совершенно не были готовы к столь кардинальному перевороту в философии. Это один из тех немногих случаев в истории интеллекта, когда умственный горизонт эпохи был сразу раздвинут на два еще предстоящих столетия. Если сравнивать его с переворотом в науке, осуществленным Николаем Коперником, с которым сам Кант сравнивал главный пункт своего революционного переворота, и с тех пор сравнение это приобрело характер трафарета, то по глубине и размаху они все же несопоставимы. Ведь идея Коперника существовала и у его предшественников, причем у далеких предшественников, идея же Канта рождалась вообще впервые; идея Коперника — это идея в космологии, одной из самых об-

щих и, однако, конкретных естественных наук, но идея Канта, будучи философской, вообще глобальна по охвату картины бытия; идею Коперника подхватили, развили, сделали инструментом его современники, фундаментальная же идея Канта осталась для современников за семью печатями, с трудом осознают ее и сами потомки.

Развитие кантоведения заставляет поставить под сомнение степень точности общей оценки Кантовой системы В. И. Лениным. Она была осуществлена в специфических идейных условиях начала XX в. на основе частичного знакомства с трудами великого философа. В умонастроениях эпохи господствовало неокантианство различных толков, но для всех их общим местом был отказ признавать вещь в себе как объект, изгнание из системы Канта материализма. Разумеется, это была открытая и явная ревизия его идей. При таких обстоятельствах великой заслугой В. И. Ленина было напоминание об этом важнейшем обстоятельстве, без которого нельзя оценивать систему правильно. Указание, что уж по крайней мере мы имеем здесь дело с дуализмом, противостоящее мнению крупнейших авторитетов в философии того времени, говорит о Ленине как опринципиальном интерпретаторе, заставившем философскую общественность посмотреть на этот момент непредвзято. Для более точной же оценки необходимо было детальное знакомство со всеми сторонами филигранного теоретического построения. В «Предисловии ко второму изданию» «Критики чистого разума» Кант сам писал, что в столь обстоятельно продуманной и испытанной во всех деталях системе любые попытки «изменить самую малую часть тотчас же ведут к противоречиям не только в системе, но и в человеческом разуме» (3, 100).

Следовательно, точность интерпретации целого (и это Кант прекрасно понимал) существенно зависит от того, какие части упускаются или изменяются. Современное состояние вопроса, да еще с целями специального рассмотрения и оценки системы «критического идеализма», требует значительно большего учета тонкостей и частностей, чем можно было потребовать от состояния науки в начале века, когда оценка эта нужна была к тому же не как самоцель, а как средство. Для современного понимания идея дуализма Кантовой системы — это уже своего рода шоры.

Чтобы приблизиться к верной, по Кантовым интенциям, интерпретации его системы, надо обсудить вопрос о принципах такого истолкования. Адекватность интерпретации системе не может быть обеспечена цитатами, сколько бы мы их ни приводили. Изъятые из сложного контекстного целого, они утрачивают подлинный смысл, поскольку набор потенциальных смыслов весьма широк даже у понятия, не говоря о суждении или системе суждений. Привычка побивать оппонента цитатой — прием до недавнего времени универсальный — въелась в

нашу плоть и кровь и выражает схоластицизм нашей философской культуры. Чтобы отдать предпочтение той или иной интерпретации, надо отдать предпочтение системе ее принципов: проблема верности интерпретации решается на уровне принципов.

Нельзя сказать, что историко-философские наши анализы обходились вообще без принципов, но это были в основном принципы поверхностные, внешние для текстов. Без внешних принципов тоже нельзя обойтись, но их одних явно недостаточно. Таков, например, принцип классовой партийности. Будь Иммануил Кант хоть трижды выразителем интересов, по природе своей чрезвычайно противоречивых, прусской буржуазии XVIII в., он с успехом мог это делать как на путях материализма, так и идеализма. Возьмем, например, И. Г. Фихте или Л. Фейербаха. Кстати, из противоречивости интересов класса еще никак не следует, что его идеолог отражает их в противоречивой теоретической системе. Теоретическая система призвана противоречие разрешить, а не зафиксировать его. Последнее, скорее, — дело публициста: обнаружить проблему и заявить о ней. Противоречия общественной жизни и природы только тогда и отражены, когда схвачены теоретически непротиворечиво, как непротиворечиво схвачено ньютоновской механикой противоречие притяжения и отталкивания или квантовой — корпускулярно-волновой дуализм.

Для целей интерпретации философской системы значительно более важны внутренние для текста, герменевтические принципы, которые мы и призываем обсудить.

Первым таким принципом, без сомнения, должен быть принцип органической целостности, принцип тотальности, причем взятый непременно в двух его аспектах: 1) в аспекте тотальности роста системы, ее развития из первоначального зародыша и 2) в аспекте итогового корпуса текстов как контекста для любого частного текста. Относительно первого аспекта, который можно назвать принципом интенсивной тотальности, можно сказать, что рост системы может быть подобен органическому, а может быть уподоблен механическому росту. В первом случае система развивается подобно тому, как растет организм из зародыша или семени. В нем уже изначально, по следствию, содержится все необходимое для достижения совершенной зрелости организма, хотя на ранних стадиях бывает весьма трудно узнать конечное развитие существо. Для интерпретации системы Канта именно этот аспект чрезвычайно важен, ибо существует несметное число изложений, комментариев и комментариев к комментариям, в фундаменте которых лежит идея механического роста системы, когда она строится по единому замыслу, но по частям, одна деталь за другой, пока не будет приложена последняя из них. Только тогда система окажется дееспособной.

Например, утверждается, что первоначальное намерение Канта заключалось в построении теории, состоящей из двух частей: из мира природы и мира свободы, то есть он должен был ограничиться «Критикой чистого разума» и «Критикой практического разума». Поскольку, закончив эту работу, автор был разочарован: приладить одну половину общего механизма системы к другой никак не удавалось, — пришлось срочно дотраивать передаточный механизм — третью часть, то есть третью «Критику...». Правда, и эти последние усилия оказались паллиативными, система так и не достигла рабочего состояния.

Что на деле картина создания «Критической» системы иная, мы попытались обосновать в статье «Категорический императив и телеологический метод»⁸. Реальная история заключается в сочетании как органического, так и механического роста. Уже «Критика чистого разума» была очерком всей системы, в которой важнейшую роль призваны были сыграть телеологические отношения природы и телеологический метод: содержание всех трех «Критик» представлено на ее страницах в первоначальном, кратком — зародышевом — состоянии, где непропорционально разрослась гносеологическая часть системы, отчего общий вид критики чистого разума — это взрослый человек (гносеология), но с детскими руками (этико-правовая часть) и ногами (телеология). Уяснить это, в конце концов, можно, даже если бы за первой «Критикой» не последовали вторая и третья, но сделать это без них значительно труднее. Развитое целое, зрелый организм системы по принципу оборачивания метода дает возможность понять конституцию первоначальной стадии.

Вторая и третья «Критики» обеспечили пропорциональный рост таких органических частей системы, как метафизика нравов и телеология. Вместе с тем имел место и механический рост черт и черточек системы, добавлялись и детализировались многие частные стороны.

Особый интерес представляет открытие Кантом третьего рода априорных принципов — априорных принципов рефлексивной способности суждения. Потенциально этот род принципов изначально содержался в общей идее системы, в частности, в фундаментальном значении трансцендентального схематизма как средства связи чувственности и рассудка, который, с одной стороны, априорен, а с другой — представляет собой акты чистой рефлексии. Потребовавшиеся в связи с этим открытием изменения в морфологической структуре системы лишь укрепили эту морфологию, не коснувшись сути системы⁹. Кант выражает удовлетворение и уверенность в совершенстве и прочности своего теоретического построения: «Эта внутренняя уверенность возникла во мне благодаря тому, что при дальнейшем переходе к другим задачам я нахожу эту систему не только верной, но также, когда я не знаю, как найти правильный метод для исследования какого-нибудь определенного предмета, я осмелива-

юся оглянуться назад, чтобы получить выводы, которых не ожидал, только после общего обзора элементов познания и относящихся к ним способностей души»¹⁰.

Эта цитата приведена из знаменитого письма Канта к К. Л. Рейнгольду от 28 декабря 1787 г., которое используется часто как доказательство механического развития системы, поскольку Кант не знал о возможности априорных принципов для рефлексивной способности суждения. Открытие их было для него неожиданным. Однако он сразу же понял, что они явились следствием общих постулатов системы как таковой, что у системы есть своя логика, которая и заставляет решать все частные проблемы так, а не иначе. Что это? Органический или механический рост? Скорее первый, чем второй, хотя есть в этом эпизоде свойства и второго.

Как видно, использование интенсивной тотальности проливает новый свет на многие детали системы. Не менее важен второй аспект, называемый соответственно принципом экстенсивной тотальности. Отправляясь от этого принципа, необходимо для объяснения любого фрагмента системы учитывать корпус всех текстов, только в контексте целого может иметь место понимание любой детали. Разумеется, принцип экстенсивной тотальности может быть несколько ограничен, если иметь в виду, что совокупность текстов Канта можно разделить на две части: на тексты эзотерические, в которых рассматриваются принципы философской системы, и тексты экзотерические, в которых разъясняются прагматические и прочие следствия из принципов для руководства ими в жизненных ситуациях. Тексты второго рода для интерпретации также полезны, но от них можно и отвлечься до определенной степени.

Кажется, нет ничего понятнее и естественнее этого принципа, но и труднее, ибо он призывает к тщательности исследования, препятствует поспешности суждений. Особенно мешает этот принцип при работе над широкими обобщающими проблемами, где ты обращаешься к детали, а она, согласно этому принципу, сама грозит разрастись до огромных масштабов.

Возьмем параграф «Понятие природы у Канта» из названной выше работы П. П. Гайденко. Кантовское понимание природы берется здесь только в пределах теоретической философии, что резко ограничивает смысл понятия у Канта, так как вне поля зрения оказывается «интеллигибельная природа» и «природа в самом общем смысле слова», объединяющая интеллигибельную природу с эмпирической. В итоге природа истолковывается чисто феноменологически: «Природа, по Канту, есть только феномен, ее в целом творит активная деятельность трансцендентального Я. ...Никакой другой природы, кроме той, которая дается в этой конструкции, вообще нет. Помимо этой конструкции, есть вещь в себе, но эта вещь в себе не есть природа»¹¹.

Что нам представляется неверным в таком понимании природы? Во-первых, резкое противопоставление природы и вещи в себе, которого у Канта нет, если иметь в виду постоянное изменение — углубление и совершенствование — образа природы как результат расширения поля действительного опыта за счет совокупности всего возможного опыта, где полная совокупность всего возможного опыта и есть вещь в себе как средство аффицирования нашей чувственности. У Канта существует тесная связь между природой как миром явлений и вещью в себе как постоянным источником расширения и углубления природы. Во-вторых, если рассудок не в состоянии непосредственно извлекать связи из природы (вещь в себе не сообщает нам никаких связей никогда и ни при каких обстоятельствах), если он вынужден а priori определять связь многообразного в природе (с помощью активной деятельности продуктивного воображения), отсюда еще не следует, что закономерности вещей самих по себе не существуют вне зависимости от познающего их рассудка.

Далее, такое понимание природы приводит к неправомерному заключению, что согласно Канту «в природе нет места целям»¹². Здесь не учитывается, что образ природы дается нам не только с помощью рассудка и теоретического разума, но и с помощью рефлексивной способности суждения и разума практического, а они показывают, что телеология лежит в самой сущностной глубине природы. Механическая детерминация представляет собой лишь одну из сторон детерминации органической, и, значит отсюда, теоретическое видение природы, по Канту, одно-стороннее, не может дать целостной картины.

Вторым принципом герменевтического уровня, без сомнения, можно считать принцип презумпции непротиворечия. Суть принципа заключается в том, что из всех возможных прочтений текста, безусловно, предпочтительно прочтение его без противоречия, а если это невозможно, то с минимумом противоречий. Принцип этот требует подходить к автору текста с позиций логической «вменяемости».

Выражением этого принципа может служить требование понижения уровня противоречий. Если вообще без противоречия прочесть текст не удастся, то при интерпретации его следует стремиться оставить непротиворечивым уровень основоположений теории, ее аксиоматическое ядро, а противоречия перевести на уровень следствий из аксиом, когда не удастся вполне последовательно вывести все заключения. Объясняющая сила теории, если противоречие содержится в ней на уровне аксиоматического ядра, ничтожна; неверные же следствия могут быть блокированы.

Отношение к системе «критической» философии как к дуализму как раз и допускает противоречие в самом сердце системы. В свете этого многие элементы ее становятся непонятными,

выглядят случайными. Например, почему Кант настаивает, что трансценденция — это пустая идея нашего разума? Почему столь велико различие между теологической и психологической идеями, с одной стороны, и космологической идеей, с другой? И т. д. и т. п.

В то же время можно показать, что в Кантовой системе нет никакого агностицизма. Он лишь настойчиво утверждает, что внешний мир никак и никогда не дается нам сразу, целиком, весь и в этом смысле вечно остается непознанной вещью в себе. Вместе с этим он развивает идею относительности границы между природой и вещью в себе. В специфическом кантианском виде здесь заключена идея соотношения абсолютной и относительной истин. Утверждает он и то, что рассудок и теоретический разум ограничены в своих возможностях познанием мира механистической детерминации, но там, где бессилён рассудок, познание осуществляется разумом практическим и рефлексивной способностью суждения. Им выдвинута идея телеологического метода, преодолевающего ограниченность рассудка, умеющего так организовать взаимодействие с рассудком, что позитивное знание в итоге извлекается из противоречия.

На наш взгляд, непроясненным в системе остается статус априорных форм всех видов. Согласно Канту, они есть следствие трансцендентальности субъекта, асимметрии возможностей индивида и рода, где каждый отдельный индивид смертен, но род бессмертен.

Наконец, не меньшее значение имеет третий из предлагаемых принципов герменевтического уровня — принцип возможной ироничности в построении текста. Для кантовских текстов этот принцип чрезвычайно актуален. Что касается текстов популярных статей Канта, то ирония здесь присутствует явно, используется открыто и широко, когда она направлена против тех или иных конкретных оппонентов. Тут можно встретить все ее степени.

Значительно важнее то, что особый род иронии используется в эзотерических текстах, прежде всего в текстах «Критик», в «Религии в пределах только разума». Она носит логико-семантический характер и проявляется там, где Кант касается вопросов теологических или особо острых политических ситуаций. Например, не используя этого принципа, мы не в состоянии без противоречия ввести в систему постулаты практического разума. Целостность системы требует придания им смысла утверждений философско-исторических, а не теологических.

Таким образом, кантоведение — один из первых разделов историко-философской науки, который логикой своего развития вынужден преодолевать «докритическое» состояние, когда можно было, не обращаясь к проблемам методологии анализа, выдвигать те или иные положения, апеллируя просто к цитированию подходящих фрагментов текста. Только так можно преодо-

леть разногласицу в интерпретации единого для всех предмета — собрания текстов Канта.

¹ Malter R. Main currents in the german interpretation of the «Critique of pure reason» since the beginning of neo-Kantianism.//Journal of the History of Ideas. Vol. XLII, n. 3. July—September 1981. P. 531—551.

² Философия Канта и современный идеализм/Под ред. И. С. Андреевой. М., 1987.

³ См.: Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм//Полн. собр. соч. Т. 18. С. 206.

⁴ См., например: Ойзерман Т. И. Идея философии как науки в трудах Канта//«Критика чистого разума» Канта и современность. Рига: Зинатне, 1984. С. 13.

⁵ Нарский И. С. Западноевропейская философия XIX века. М., 1976. С. 44.

⁶ См.: Вахтомин Н. К. Теория научного знания Иммануила Канта. М., 1986.

⁷ См.: Калинин Л. А. 1) Об особенностях кантовского агностицизма//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1981. Вып. 6; 2) Постулаты практического разума (в свете кантовской философии истории)//Там же. 1983. Вып. 8; 3) Понятия «вещь в себе» и «вещь вообще» и их роль в системе кантовского «критицизма»//Там же. 1985. Вып. 10; 4) Категорический императив и телеологический метод//Там же. 1988. Вып. 13.

⁸ См.: Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1988. Вып. 13.

⁹ См. там же. С. 28—29.

¹⁰ Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 560.

¹¹ Гайденок П. П. Эволюция понятия науки (XVII—XVIII вв.). Формирование научных программ нового времени. М., 1987. С. 405—406.

¹² Там же. С. 406.

АНАЛИЗ КРИТИКИ КАНТОМ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО АРГУМЕНТА

В. А. Бочаров

(Московский государственный университет)

Как известно, онтологический аргумент, или онтологическое доказательство бытия бога, восходит к Ансельму Кентерберийскому (1033—1100). Он неоднократно критиковался, воспроизводился, трансформировался и вновь критиковался. Отправным пунктом в рассуждениях Ансельма является введение понятия бога как существа, превыше и больше которого невозможно помыслить никакого другого, т. е. существа, являющегося максимально совершенным. Это «максимальное совершенство» понимается и трактуется здесь не как признак объекта, взятого из некоторого рода сущего, а как признак, который фиксирует такое совершенство, которое выше любого совершенства самых совершенных объектов из всех (бесконечных по числу) родов сущего. Говоря иначе, это совершенство высшей, абсолютно бесконечной сущности.

Каким же образом из этого понятия дедуцируется существование? Если проанализировать рассуждения Ансельма и пере-